УДК 343.3(091) https://www.npzhdialog.ru/22-2026

Преступления против порядка управления и должностные преступления, посягающие на интересы государства, в Уложении 1845 г.

Упоров Иван Владимирович,
Российская академия естествознания, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, uporov@list.ru

Аннотация. В статье представлен историко-правовой обзор некоторых составов преступлений против порядка управления и должностных преступлений, содержащихся в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. — первом полномасштабном уголовном законе в правовой истории России. Анализ осуществляется с точки зрения обоснованности отнесения таких преступлений к преступлениям против государства, учитывая, что на этот счет имеются разные точки зрения. Отмечается, в частности, что ряд деяний (сопротивление распоряжениям правительства, создание тайных обществ, недозволенное оставление Отечества и др.), формально включенных в раздел о преступлениях против порядка управления, содержали признаки преступлений против государства. В дальнейшем в изменениях Уложения 1845 г., а также в следующем и последнем уголовном законе Российской империи — Уголовном уложении 1903 г. — соответствующие нормы были некоторым образом скорректированы, и ряд исследуемых составов преступлений включались в раздел о государственных преступлениях.

Ключевые слова: преступления против порядка управления, Уложение 1845 г., наказания, государственные преступления, составы деяний.

Принятое в 1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [1] стало рубежным этапом в развитии российского уголовного права, поскольку это был первый выделенный в отдельный акт полноценный и полномасштабный уголовный закон, составленный на высоком по тем временам системном уровне, который имел такую же структуру, как и современный уголовный закон. В этом акте четко выделяются Общая и Особенная части, на что некоторое влияние оказали российские правоведы; было учтено также германское и французское уголовное законодательство.

Работа по разработке Уложения осуществлялась в Министерстве юстиции и затем в императорской канцелярии почти десять лет. Так, уже в 1836 г. графу М. М. Сперанскому и министру юстиции Д. В. Дашкову было поручено приступить к ревизии уголовных законов. В своей записке Сперанский и Дашков полагали, что устранить недостатки прежнего Свода законов уголовных 1832 г. (т. 15 Свода законов Российской империи [2]) можно либо путем постепенного исправления отдельных постановлений, либо путем исправления систематического, для чего надлежит, «обозрев все статьи в их совокупности, составить общие начала для исправления их и усовершенствования и произвести сие исправление одним общим положением» [3, с. 26]. Император Николай I склонился ко второму варианту. Был проведен анализ всех действовавших уголовных законов и поступивших в Министерство юстиции замечаний на т. 15 Свода законов Российской империи 1832 г., который включал в себя Свод законов уголовных — первый опыт систематизации уголовного законодательства, который, однако, несмотря на огромную проведенную работу по его составлению, все же отставал от требований к регулированию преступлений и мер наказания за их совершение, на что указывали и отечественные правоведы того времени, учитывая, что наука уголовного права уже получала ускоренное развитие, начиная с рубежа XVIII–XIX вв.

Проект был внесен в Государственный совет 30 марта 1844 г.; для его рассмотрения была образована Особая комиссия (председатель — граф В. В. Левашов). После одобрения в Государственном совете Николай I 15 августа 1845 г. утвердил проект, и закон был введен в действие с 1 мая 1846 г. В целом Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. представляло собой обширнейший по объему нормативно-правовой акт (2224 статьи). В Уложении имелось 12 разделов, распадающихся на главы, некоторые главы — на отделения, отделения — на отделы.

Общая часть Уложения представляла собой раздел первый «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще» (ст. 1–181); остальные 11 разделов, каждый из которых имел свое название по категориям преступлений, относились к Особенной части (ст. 182–2224), в т. ч. предусматривалась ответственность за такие категории преступлений, как религиозные; государственные; против порядка управления, государственной и общественной службы, постановлений о повинностях, против доходов и имущества казны, общественного благоустройства и благочиния, сословной организации общества, жизни, здоровья, свободы и чести личности, против семьи и собственности. При этом предметная направленность каждой структурной части Уложения 1845 г. определялась исходя из господствовавших в то время представлений о правовом значении тех или иных обстоятельств совершения преступления и характеристик объекта посягательства [4, с. 758].

В Общей части Уложения большое внимание уделено различным аспектам института уголовного наказания (гл. 2–4). Предусматриваются наказания как уголовные, так и исправительные. Уголовные наказания: смертная казнь; ссылка в каторжные работы; ссылка на поселение в Сибирь и на Кавказ. Исправительные наказания: ссылка на житье в отдаленнейшие или менее

отдаленные места Сибири; отдача в исправительные арестантские роты гражданского ведомства; заключение в рабочем доме; заключение в крепости; заключение в смирительном доме; заключение в тюрьме; кратковременный арест; выговор в присутствии суда; замечания и внушения от мест судебных или правительственных; денежная пеня. Как видно, перечень наказаний очень широкий, и он был затруднительным для правоприменения. В Общей части, как и в современном уголовном законодательстве, определялись положения, относимые ко всем общественно опасным деяниям. В частности, в ст. 98 Уложения указываются причины, исключающие виновность лица, в т. ч.: «1) совершенная невинность того деяния, коего случайным и непредвидимым последствием было сделанное зло; 2) малолетство в таком возрасте, когда подсудимый не мог еще иметь понятия о свойстве деяния; 3) безумие, сумасшествие и припадки болезни, приводящие к умоисступлению или совершенное беспамятство; 4) ошибка случайная или вследствие обмана; 5) принуждение от превосходящей непреодолимой силы; 6) необходимость обороны» [1]. Подробно регулировался институт отягчающих и смягчающих вину обстоятельств и т. д. [5; 6].

В отличие от предшествовавших уголовно-правовых актов, в Особенной части Уложения 1845 г. значительно более подробно и системно отрегулированы в отдельных разделах составы «преступлений и проступков против порядка управления» и «преступлений и проступков по службе государственной и общественной», а также ответственность за их совершение. В этой связи рассмотрим данные вопросы более подробно.

Сначала сделаем обзор раздела четвертого Уложения 1845 г. «О преступлениях и проступках против порядка управления», при этом внимание сосредоточивается на преступлениях, а не на проступках. В этом разделе имеются следующие главы: гл. 1 «О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от оного властям» (ст. 283–300); гл. 2 «Об оскорблении и явном неуважении к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности» (ст. 301–316); гл. 3 «О самовольном присвоении власти и о составлении подложных указов или предписаний и других исходящих от Правительства бумаг» (ст. 317–329); гл. 4 «О похищении бумаг или вещей из присутственных мест, сорвании печатей и уничтожении поставленных или приложенных по распоряжению Правительства знаков» (ст. 330–334); гл. 5 «О взломе тюрем, уводе и побеге находящихся под стражею или надзором» (ст. 335–346); гл. 6 «О тайных обществах и запрещенных сходбищах» (ст. 347–353); гл. 7 «О недозволенном оставлении Отечества» (ст. 354–357) [1].

Как наименования этих глав, так и содержание включенных в них статей показывает, что раздел четвертый Уложения объединяет разные по значимости и опасности составы преступлений — здесь наличествуют преступления, направленные против порядка управления вообще, неповиновение власти, сопротивление распоряжениям правительства, создание противозаконных обществ, неповиновение законным постановлениям, распоряжениям и требованиям властей, самовольный захват власти и проявление к ней неуважения и многое другое. В этом же разделе содержатся преступные деяния, препятствующие осуществлению правосудия и деятельности полицейских властей. Но при этом преступные деяния, направленные против порядка управления, совершенные должностными лицами, чиновниками, входят в другой весьма обширный раздел Уложения — раздел пятый «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» (ст. 358–533).

Отметим далее, что расположение статей в разделе четвертом, как представляется, не совсем логично. Так, важная с точки зрения государственных интересов гл. 6 об ответственности за создание «тайных обществ и запрещенных сходбищ» дана не в начале раздела, как этого можно было ожидать, а после главы о похищении документов и прочего из присутственных мест. Более того, эту главу по логике вещей следовало поместить не в этот раздел, а в раздел о государственных преступлениях (раздел третий Уложения), тем более что и в тексте ряда соответствующих статей об этом говорится прямо.

Вот, например, как выглядит основной состав о тайных обществах в ст. 347: «Основатели и начальники тайных, под каким бы то ни было наименованием, обществ, имеющих вредную для спокойствия или целости государства, или противную установленным законами образу и порядку правления цель, подвергаются, как государственные преступники, наказаниям, выше сего в статьях 264, 271, 272 определенным и по правилам в оных означенным» [1] (указанные ст. 264, 271 и 272 регулировали ответственность за преступление против государства в виде бунта против власти верховной, т. е. восстание скопом и заговор против государя и государства).

Далее говорится, что члены таких обществ, имевшие полное сведение о преступной цели тайного общества, приговариваются к тем же наказаниям и на том же основании. И затем в последующих статьях гл. 6 речь идет о дифференциации наказания иных причастных к такому деянию лиц, в т. ч. указывается: «Те, которые, знав о существовании и об истинном свойстве и цели такого общества и имев возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности, подвергаются за сие: лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода… Вступившие в такое общество, с полным о цели оного знанием, приговариваются: к лишению всех, лично и по состоянию присвоенных им особенных прав и преимуществ, и к ссылке на житье в губернии Иркутскую или Енисейскую, с заключением на время от двух до трех лет и с воспрещением выезда в другие сибирские губернии в продолжение определяемого судом времени от восьми до десяти лет, или же в губернии Томскую или Тобольскую, с заключением на время от двух до

трех лет, или, буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, к наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения для второй или третьей степени наказаний сего рода, и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от четырех до восьми лет, смотря по степени их участия в действиях общества и по другим, более или менее увеличивающим или уменьшающим их вину, обстоятельствам» [1].

В этой же главе говорится об ответственности за недонесение о рассматриваемом преступлении: «Те, которые знав о существовании и цели такого общества и имев возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности, приговариваются: к заключению в крепости на время от шести месяцев до одного года… Те, которые, знав с достоверностью о существовании недозволенного правительством общества, хотя и не имея точных сведений о свойстве и цели оного, не донесли о том, подвергаются, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину их: аресту на время от трех до семи дней». Помимо указанных санкций, предусматривалось, что «все имущество, принадлежащее тайным обществам, книги их, бумаги, инструменты, знаки какого-либо рода, мебели и т. п., конфискуются, если не будут подлежать истреблению, продаются в пользу местного приказа общественнаго призрения. Кто, имея у себя какие-либо из сих вещей, не отдаст их по требованию начальства, тот подвергается за сие: аресту на время от трех до семи дней» [1]. Как видно, законодатель де-факто объявлял данное деяние политическим преступлением, но формально считал его преступлением против порядка управления. И только в 1874 г. Уложение будет скорректировано нормами, «предусматривавшими противозаконность политических сообществ, направленных к совершению, хотя бы и в более или менее отдаленном будущем, бунтов или восстаний, за что, учитывая степень участия в сообществе и другие обстоятельства, виновные могли приговариваться к каторжным работам на сроки от 4 до 6 лет, ссылке на поселение в местности, для того предназначенные, отдаче в арестантские отделения или заключению в крепости на срок от 1 года до четырех лет» [7, с. 84].

А вот что регулировалось в других главах. Так, в гл. 1 «О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от оного властям» (ст. 283–300) рассматриваемого раздела четвертого Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. также имеются статьи, в которых усматривается посягательство на интересы государства. Так, в ст. 284 содержится такой состав преступления: «явное против властей, правительством установленных, восстание, с намерением или воспрепятствовать обнародованию высочайших указов, манифестов, законов, или других постановлений и объявлений правительства, или же не допустить исполнение указов, или предписанных правительством распоряжений и мер, или принудить сии власти к чему-либо несогласному с их долгом, когда такое принуждение или противодействие будет произведено вооруженными чем-либо людьми и сопровождаемо с их стороны насилием и беспорядками» [1].

Это совершенно очевидно тяжкое политическое преступление, и наказание преступникам соответствующее: «лишение всех прав состояния и ссылка в каторжную работу в рудниках на время от пятнадцати до двадцати лет, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказание плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода, с наложением клейм» [1]. По мнению Е. С. Гугасари, это деяние следует относить к преступлению террористического характера [8, с. 12]. Равным образом можно говорить о других статьях, где определены вот такие составы преступлений: ст. 288 — «Восстанием против властей, правительством установленных, почитается и всякое возмущение крестьян или дворовых людей против своих помещиков, владельцев или управляющих и против волостных и общественных управлений»; ст. 296 — «Кто будет составлять и распространять письма или же какие-либо сочинения, или публично говорить речи, или распускать ложные слухи, с намерением возбудить к противодействию или к сопротивлению властям, от правительства установленным».

Есть такого рода составы преступлений и в гл. 3 «О самовольном присвоении власти и о составлении подложных указов или предписаний и других исходящих от Правительства бумаг» (ст. 317–329) рассматриваемого раздела четвертого.

Так, по ст. 319 «за составление подложных, будто бы за подписанием государя императора указов, манифестов, грамот, рескриптов или иных бумаг, а равно и за употребление таких подложных указов, манифестов или иных бумаг заведомо для каких бы то ни было дел или видов» виновные в том подвергаются жесткому наказанию — «лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в рудниках без срока, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода, с наложением клейм. Такому же наказанию подвергаются и те, которые с умыслом сделают подчистку, поправку или иную перемену в удостоенных высочайшего подписания или собственноручного высочайшего утверждения указе, манифесте или иной бумаге. Если, однако же, виновный, не сделав из подложно составленных или измененных им указа, манифеста или иной бумаги, никакого употребления, явится сам к суду или начальству с повинною в своем преступлении, то определяемое ему наказание может, по усмотрению суда, быть смягчено и он, по лишении всех прав состояния, приговаривается токмо к ссылке в Сибирь на поселение, и буде он по закону не изъят от наказаний телесных, к наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода» [1].

К этой статье в контексте освещаемых вопросов имеется важнейшее примечание: «Приговоры по делам сего рода, до приведения оных в действо, представляются чрез Государственный совет на высочайшее усмотрение его императорского величества». Это примечание свидетельствует о принадлежности данного преступления к категории государственных. В значительной степени это касается еще двух статей данной главы: ст. 320 — «Виновные в составлении подложных указов от имени Правительствующего сената, или же в злонамеренной подчистке, поправке или иной перемене в настоящих Правительствующего сената указах, или же в употреблении подложно составленных или измененных указов заведомо для каких бы то ни было дел или видов…» [1]; ст. 323 — «За подделку большой государственной или же иной печати его императорского величества и употребление сей фальшивой печати заведомо в каких бы то ни было делах или случаях…» [1]. В ст. 333 была установлена ответственность за умышленное уничтожение или повреждение межевых знаков, при этом межевые знаки могли означать и пределы уездов, и пределы губерний, и даже пределы государства; в качестве квалифицированного вида этого преступления выступало уничтожение или повреждение межевых знаков с намерением передать часть земли иностранному государству — данное преступление, как считает П. А. Филиппов, приравнивалось к государственной измене [9, с. 61].

В этом контексте трудно согласиться с точкой зрения А. С. Воробьева, который пишет: «Возникает вопрос: следует ли, говоря об институте государственных преступлений времен Уложения 1845 г., относить к нему преступления, находящиеся за пределами Раздела третьего данного законодательного акта? В данной ситуации необходимо понимание того, что наиболее эффективным будет анализ института государственных преступлений и его развития, в рамках которого его состояние исследуется именно в условиях своего времени. Центральным предметом исследования является сам институт государственных преступлений в каждый момент своего существования на протяжении избранного для исследования периода. Следовательно, анализируя состояние данного института в период действия Уложения 1845 г., исходить необходимо из тех позиций, которые выразил сам законодатель при составлении и последующих изменениях Уложения 1845 г.» [10, с. 13].

Дело в том, что, исследуя данный уголовно-правовой акт (Уложение 1845 г.), необходимо учитывать логическую связь составов преступлений из разных разделов Уложения, при этом за основу, на наш взгляд, следует иметь в виду объект посягательства — как важнейший признак отнесения преступлений к той или иной категории, а также иные факторы, в т. ч. строгость наказания. И если объектом посягательства являются государственные интересы, то почему соответствующий состав преступления, за который назначается смертная казнь, нельзя относить к преступлениям против государства, даже если он не включен в специальный раздел третий? В этом контексте следует согласиться с С. Л. Роговым в том, что «нормы, посвященные государственным преступлениям, содержались также в IV, V и VIII разделах Уложения о наказаниях уголовных и исправительных; в них делались ссылки на соответствующие статьи III раздела, что приравнивало их к государственным преступлениям» [7, с. 70].

Здесь еще отметим, что речь идет не о формальной квалификации того или иного деяния, а об исследовании составов преступлений в Уложении 1845 г. с научной, историко-правовой точки зрения. И в этом контексте В. В. Есипов отмечает, что «трудно искать строго определенные постановления о преступлениях против порядка управления в законодательных памятниках старины. Многие из таких преступлений сливались с общим понятием крамолы и очень часто не отличались от преступлений государственных» [11, с. 64]. Уложение 1845 г. в некоторых случаях не избежало этого недостатка.

Завершая обзор раздела четвертого, отметим еще несколько составов преступлений из гл. 7 «О недозволенном оставлении Отечества» (ст. 354–357), которые также есть основание относить к категории государственных: ст. 354 — «Кто, отлучась из отечества, войдет в иностранную службу без позволения правительства, или вступит в подданство иностранной державы, тот за сие нарушение верноподданнического долга и присяги…» (здесь допускается уникальное наказание в виде «вечного изгнания из пределов государства»); ст. 357 — «когда к побегу за границу были подговариваемы военнослужащие или состоящие на рекрутской очереди».

Некоторые из составов преступлений, которые можно считать политическими, содержались и в разделе восьмом «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» (ст. 1007–1851). Речь идет о ст. 1147, предусматривающей ответственность за создание «сообщества для преступлений государственных», ст. 1158 — за распространение слухов с умыслом, имеющим «политически зловредную цель или же явно оскорбительным для верховного правительства», ст. 1243 — за изготовление или хранение в большом количестве оружия в целях, противных государственной безопасности, ст. 1791 — за случаи явного неповиновения фабричных и заводских людей артельно или толпой, приравниваемые к восстанию против властей. Все эти нормы приравнивали лиц, совершивших указанные преступления, к государственным преступникам и требовали наказания со ссылкой на статьи раздела третьего «О преступлениях государственных» Уложения 1845 г. [12]. И это подтверждает то обстоятельство, что ряд составов преступлений против порядка управления и должностных преступлений в рассмотренном Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. фактически относимы к преступлениям против государства. В дальнейшем в изменениях этого акта, а также в следующем и последнем уголовном законе Российской империи — Уголовном уложении 1903 г. [13] — соответствующие нормы были некоторым образом скорректированы. По своему содержанию проанализиро-

ванные составы преступлений были направлены на охрану существующего строя (абсолютной монархии), при этом предусматривались достаточно жесткие наказания.

Примечания

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (утв. 15.08.1845) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XX. Отд. 1. N 19283.

2. Свод законов Российской империи. Т. 15. СПб., 1832.

3. Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 году в Государственный совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений. СПб., 1871.

4. Жук М. С. Становление и развитие институтов российского уголовного права // Lex Russica. 2013. N 7.

5. Скреля К. Ю. Из истории законодательной мысли — анализ Уложения о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 года // Научный вестник Крыма. 2019. N 4.

6. Дудырев Ф. Ф. Дифференциация уголовной ответственности в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Уголовное право. 2009. N 4.

7. Рогов С. Л. Государственные преступления в российском законодательстве и правоприменительной практике середины XVII — начала XX веков: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012.

8. Гугасари Е. С. Ответственность за преступления террористического характера по уголовному законодательству Российской империи XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. N 3.

9. Филиппов П. А. Преступления против порядка управления по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1845 г.) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. N 3.

10. Воробьев А. С. Институт государственных преступлений в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: проблематика определения его рамок и содержания // Актуальные проблемы российского права. 2017. N 8.

11. Есипов В. В. Уголовное право. Часть Особенная. Преступления против государства и общества. 2-е изд. М., 1906.

12. Савченко Д. А. Модернизация российского законодательства XIX века об ответственности за государственные преступления // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2014. N 9.

13. Уголовное уложение (утв. 22.03.1903) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXIII. Отд. 1. N 22704.

English version

Crimes against administrative order and official crimes infringing on state interests in the 1845 Code

Uporov Ivan Vladimirovich, Russian Academy of Natural History, doctor of sciences (history), candidate of sciences (law), professor

This article presents a historical and legal overview of certain offenses against administrative order and official misconduct contained in the 1845 Code of Criminal and Correctional Punishments — the first comprehensive criminal law in Russian legal history. The analysis examines the validity of classifying such offenses as crimes against the state, given the differing views on this matter. It is noted, in particular, that a number of acts (resistance to government orders, the creation of secret societies, unauthorized abandonment of the Fatherland, etc.), formally included in the section on crimes against administrative order, contained elements of crimes against the state. In subsequent amendments to the 1845 Code, as well as in the next and final criminal law of the Russian Empire, the Criminal Code of 1903, the relevant provisions were somewhat adjusted, and a number of the crimes under study were included in the section on crimes against the state.

Keywords: crimes against administrative order, 1845 Code, punishments, crimes against the state, elements of the crimes.